

ОБРАЗ ТИШИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. ПРИШВИНА (ЦИКЛЫ «НЕОДЕТАЯ ВЕСНА», «ФАЦЕЛИЯ», «ЛЕСНАЯ КАПЕЛЬ»)

Таркан Наталья Евгеньевна

доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций
учреждения образования «Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова»;
кандидат филологических наук
(г. Могилев, Республика Беларусь)

Рассмотрен образ тишины как выражения гармонических начал творчества М. Пришвина в циклах «Неодетая весна», «Фацелия», «Лесная капель» и дневниках писателя. Выявлена гуманистическая тенденция, определяющая своеобразие художественного мира писателя.

Пришвинское творчество оказывает на человека положительное и позитивное влияние. Прочитайте любое из произведений М. Пришвина и Вы почувствуете присутствие истинного художника жизни, воспевающего Землю как «дом растений, животных, человека» [2, с. 710]. Пришвин писал о том, что беззаветно любил, поэтому и творчество стало таким его проявлением любви к окружающему миру.

Гуманистическая тенденция определяет своеобразие его художественной многоцветной палитры. Восприятие писателем природы в ее слитности с человеком настолько окрашено личными лирическими переживаниями, что невольно вызывает аналогию и с поэзией Тютчева, и с живописью Левитана.

Все творчество Пришвина направлено на то, чтобы в обыкновенном, и реальном открыть человеку необыкновенное, удивительное и прекрасное, сделать человека соучастником творения радости, познания и творческого преобразования жизни.

М. Пришвин был защитником гармонии. На протяжении всей творческой жизни он спешил в царство романтического и очищенного от «негатива реальности» воображения, спешил переделать жизнь в соответствии с возвышенными нормами нравственности. Художник гармонического таланта, он обладал великим тяготением к совершенству, к победе добра над злом, к красоте справедливости.

В эстетике М. Пришвина жизнеутверждающая гармония, истоки которой он находил в природе и которой посвящены, как говорил писатель, все его книги.

«Я знаю по опыту, что смертельная тоска кончается ликующий радостью жизни. В этой борьбе и рождается мой теперь известный всем оптимизм» [1, с. 36]. «Коренной вопрос живописи – гармоническое сочетание человека и природы – каким-то образом стал моим коренным вопросом в моей литературной записи» [1, с. 38].

Интересен образ тишины М. Пришвина как выражения гармонических начал в творчестве писателя.

В циклах «Неодетая весна», «Фацелия», «Лесная капель», в дневниках писателя тишина – это элемент добра, противостоящий злу в окружающей реальности, это осуществленное равновесие, равноправие в природе: «Тихо. Между деревьями

синим столбом подымается прямой дым. С самого утра комарики мак толкут. Тепло, светло, и так прекрасно, спокойно и умно...» [3, с. 635]. Воробьи суетятся под наличником, таскают пух для гнезда; им хорошо, и они не мешают. «Да, вот именно, такое утро сегодня, как будто каждое существо на земле нашло свое место, и никто никому не мешает: вот истинный образ мира во всем мире». Миниатюра выразительно озаглавлена «Образ мира» [3, с. 627].

С образом тишины в миниатюре «Вода» связаны впечатления о прекрасном умиротворенном облике тишины и ее философской сути, лучезарная тишь воды – широкая, цветистая [3, с. 620]. Тишина, оказывается, скрывает в глубине живую воду, проток в мир всеобщего родства. У леса – действенная тишина, увлекающая внимание человека непрерывным безмолвным движением жизненных сил («Начало весны» [3, с. 621]). Тишина у Пришвина не злопамятна и не зловеща, она несет добро, свет, в ней скрыты мощные жизненные истоки.

М. Пришвин стремится к объективности и понимает, что максимализм не всегда способствует объективному изображению, поэтому слегка иронизирует и замечает комические стороны в воображаемой гармонии. Глядя на ульи с пчелами, он видит согласованным по их образу и подобию весь мир людей, многих вещей, думает, что согласованность эта, скорее, похожа на двери в «Старосветских помещиках»: они поют. А ведь Н.В. Гоголь, по мнению М. Пришвина, также видел в смешных Пульхерии Ивановне и Афанасии Ивановиче возможность совершенной, гармонической любви на земле («Поющие двери» [3, с. 634]).

Тишина в произведениях М. Пришвина – образ облагороженного бытия, который носит явные признаки его художественной системы с элементами романтической дидактики. Специфика тишины особенно выразительна в сопоставлении со сходными образами в других художественных системах.

Тишина пришвинских пейзажей противопоставлена отчаянно кричащей, зловеще необъяснимой тишине в мире Л. Андреева («Молчание»). Отличается она и от застойной и древней тишины «Соти» Л. Леонова: «Стоят леса темные от земли и до неба, а на небе ночь. Незримо глазу положен на небе ковш: ползет ковш по краю, выливает на жадную землю сон, покой и тишь. Мир спит, и никому неизвестно в нем про укрывшихся в длинных приземистых избах черных мужиков...» [1, с. 39]. Безучастный мир, выражение которого сон, покой и тишь монашеских скитов, воспринимается как сопротивление новому веку, как страх и предчувствие гибели, это тишина, которую революция наполняет своим звучанием и меняет весь уклад жизни.

Тишина М. Пришвина – это свет общечеловеческого идеала, на который писатель указывает и к которому ведет современника.

Считают, что М. Пришвин по складу личности – мыслитель-моралист, он идет дорогой проповедников, задолго предсказывая результат пути и прикрашивая действительную красоту жизни.

Идея гармонической просветленной души привносится в облик природы воображением, голосом, чувствами лирического героя. Например, как тонко Пришвин передает читателю восторженный взгляд на природу в картине лесной тишины: «Тепло, светло и так прекрасно, спокойно и умно...» [3, с. 643], или в «Лесной капели» в миниатюре «Запоздалый ручей»: «В лесу тепло. Зеленеет трава... Какая задумчивая тишина» [3, с. 651]. Если убираем эпитеты, принадлежащие миру человека: «спокойно», «умно», «задумчивая», исчезает и очарование пейзажа. Нейтральная природа сама по себе не дает необходимого по замыслу писателя впечатления гармоничной картины, тишина в миниатюре именно разумная, как будто природа наделена не только душой, но и мыслью, способной установить гармонию. Поэтизация природы способствует дидактике автора и лирического героя, которые из мира природы переносят образ тишины в мир социальных и философских проблем – в образ мира во всем мире.

Возвышенные и разумные черты М. Пришвин выделяет в природе очень осторожно, не без сомнений. Он стремится к своей эстетической цели создания природы в художественном образе, но и не нарушает границы между правдой жизни и правдой искусства. Порой ему кажется, что его писательские старания напрасны, и все, что он видит вокруг, исполнено иного, безжалостно-естественного смысла, не поддающегося цивилизованному началу. Дачники, например, не видят, как паук убивает бабочку в цветке, а писатель-фенолог и натуралист от-

лично знает, какие драмы могут скрываться в тишине лесов. Естественная борьба за существование грозит разрушить созданную человеком искусственно гармонию идеализированного мира: «Не ясно ли, что природа никак не гармонична, но в душе человека рождается чувство гармонии, радости, счастья» («Мертвая бабочка» [3, с. 635]). «Только на вырубках, где от прежнего леса остается всего несколько деревьев, изуродованных столетней борьбой за свет, всякий понимает, какую трудную борьбу за свет проводит отдельное дерево в лесу, как оно, выключенное из общей связи, само по себе некрасиво. Мне в такие минуты раздумья на вырубках всегда бывает неловко и хочется бросить причуду лесного шатания, бывать только в садах и парках...» [3, с. 625].

Пришвин приукрашивал дерево, наделяя его бытие чувством, мыслью и красотой человека, но это не означало грешить против правды и истины в жизни и кривить душой в искусстве.

М. Пришвин тонко чувствует природу. Это писатель-мыслитель, который верит в огромные возможности разума, преобразующий мир, и наша природа, как мы ее понимаем, и есть гармоническое воздействие человека на хаос.

В искусстве Пришвин выбрал путь такого «воздействия» художника на природу, где бы совпадало желаемое и существующее, и занимало большее место в сравнении с тем, что есть в действительности. Писатель находит лучшее и в человеке, и в природе, он хочет видеть и видит улыбку земли, а не гримасы ужаса и страданий от титанической борьбы земных пластов с водой и ветром («Улыбка земли» [3, с. 641]).

Сложно определить художественный метод М. Пришвина. Но он подразумевает то, что идеализация свойственна не только романтическому мышлению, но и другим формам обобщения.

Романтическая типизация мыслится как приближение к идеалу, поэтому теоретики, уточняя термины, предлагали взамен «типизации» романтического образа «идеализацию».

М. Пришвин в своих художественных исканиях избрал именно идеализацию как самый верный путь совершенствования человеческого духа, отраженного в природе. Вот почему он «охотился» в лесу не за всем, что видел, но за той прекрасной душой человека, которая частью приходится и на него («Моя охота» [3, с. 629]) и находится в тишине. Для его романтического мышления этот принцип писательского поведения был и остается истинным.

Список использованной литературы

1. Гринфельд, Т. Я. «Чувство природы» и цвет в пейзажах М. М. Пришвина / Т. Я. Гринфельд // Личность писателя и его творчество. – Волгоград, 1990. – С. 31–43.
2. Пришвин, М. М. За волшебным колобком. В краю непуганых птиц. За волшебным колобком. Осударева дорога. Глаза земли. Отцы и дети. Из дневниковых записей / М. М. Пришвин. – Петрозаводск : Карелия, 1987. – 703 с.
3. Пришвин, М. М. Собрание сочинений : в 8 т. / М. М. Пришвин. – М. : Художественная литература 1983. – Т. 4 : Произведения, 1932–1944. – 620 с.